

МКУК «Новощербиновская сельская библиотека»
Новощербиновского сельского поселения
Щербиновского района

Муза странствий Николая Гумилёва

Ещё не раз вы
вспомните
меня..

Н.Гумилёв

ст. Новощербиновская
2021 г.

Акме (от греч. – остриё, лезвие)

Поэзия «серебряного века» немыслима без имени Николая Гумилёва. Создатель яркого и самобытного литературного течения – акмеизма, он завоевал сердца читателей не только силой художественного таланта, оригинальностью и совершенством поэтических откровений, но и фанатичной любовью к путешествиям и странствиям, которые стали неотъемлемой частью его жизни и творчества.

В Африке

Муза Дальних Странствий, воспетая им во многих стихах, стала проводником поэта в непроходимых джунглях Центральной Африки, в огнедышащих песках Сахары, в верховьях и устье многоводного Нила, в мрачных горах Абиссинии и экзотических лесах Мадагаскара.

«И, взойдя на трепещущий МОСТИК,....»

Героями его стихотворений становятся открыватели новых земель и флибустьеры, скитальцы- арабы и средневековые рыцари, охотники на африканских диких зверей и бесстрашные капитаны.

*На полярных морях и на южных,
По изгибам зелёных зыбей
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны –
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель...*

(«На полярных морях и на южных»)

«И вот вся жизнь...

*Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.
Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят.
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.
И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седую гривой машет море,
Встают пустыни, города.
Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я-
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?»*

«Мои читатели»

*Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во Вселенной,
Скажет: «Я люблю вас»,-
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
И когда придёт их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь, всю родную, странную землю
И, представ перед ликом бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно его суда.*

Статья «Наследие символизма и акмеизм» (1913)

«Настоящее произведение поэтического искусства должно быть совершенным, отточенным, как лезвие бритвы... Это достижимо, если поэт станет героем, выбирающим трудный и опасный путь».

И Гумилёв подтверждал это своей жизнью.

*Когда я кончу наконец
Игру со смертью хмурой,
То сделает меня творец
Персидскою миниатюрой...
И вот когда я утолю
Без упоенья, без страданья
Старинную мечту мою –
Будить повсюду обожанье.*

(«Персидская миниатюра»)

«Сонет»

Как конквистадор в панцире железном,

Я вышел в путь и весело иду,

То отдыхая в радостном саду,

То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смуглом и беззвёздном

Растёт туман... но я смеюсь и жду,

И верю, как всегда, в мою звезду,

Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано

Нам расковать последнее звено,

Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,

И, может быть, рукою мертвеца

Я лилию добуду голубую.

Дорога к совершенству

«Начиная с «Пути конквистадоров» и кончая «Огненным столпом» поэт неизменно шёл одной и той же дорогой: к совершенству формы, к магии стиха, к деспотическому овладению стихом», - отмечал литературовед Э.Ф.Голлербах

*Пусть будет стих твой гибок , но
упруг,*

*Как тополь зеленеющей долины,
Как грудь земли, куда вонзился
плуг,*

*Как девушка, не знавшая
мужчины.*

Уверенную строгость береги:

Твой стих не должен

Ни порхать, ни биться.

Хотя у музы лёгкие шаги,

Она богиня, а не танцовщица.

(«Поэту» 1905)

«Сады души»

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор чёрный,
Глубокие, прозрачные бассейны.
Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы.
И – кто поймёт намёк старинной тайны? –
В них девушка в венке великой жрицы...
Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны.
Пускай сирокко бесится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

